

КАК ВСЕГДА, в предвечерний час в гостинице санатория — пустынно. Отдыхающие, собиравшиеся в санаторий, разбрелись по своим комнатам. И только мы двое — Арвид Янович и я — никак не можем привыкнуть к местному регламенту: находиться в постелях в «тихий час».

В удобных креслах, вполголоса, чтобы не навлечь замечаний дежурного врача, мы рассуждаем о жизни. Вернее, я внимательно слушаю, что рассказывает Арвид Янович.

Ему за пятьдесят, но выглядит он гораздо моложе. У него серые с голубоватым оттенком лучистые глаза, длинные ресницы и на редкость приятный тембр голоса. Он веселый и очень спокойный человек.

Мое знакомство с Арвидом Яновичем состоялось прошлой зимой на второй день его приезда в этот подмосковный санаторий. У меня сломалось крепление на правой лыже, и он, умело орудуя большим ножом, болтавшимся на массивной цепочке, быстро ликвидировал аварию.

Я ничего не знаю об Арвиде Яновиче — ни его профессию, ни даже фамилию. Ему моя причастность к кинематографу известна. И потому он все время подтрунивает над средствами, с помощью которых, как он выражается, в «киномир проникают различные бесталантные околотитературные рыцари».

— Обывателю, мещанину, — сердится Арвид Янович, — при слове «кино» мерещатся непременно легкие деньги, быстрая карьера, красивые женщины... словом, «сладкая жизнь». Потому все и тянутся в кинематограф... а в результате что получается...

Замолчав, он взглянул на меня и виновато улыбнулся.

— Только, пожалуйста, не сердитесь.

Я и не сержусь. В его гневных эскападах нет обидных слов, обидной интонации. В силу своего характера Арвид Янович обо всем говорит крайне заинтересованно. Даже малейшее равнодушие ему претит.

Я смотрю на безлюдные аллеи санаторного парка, на невесомые снежные лепешки, украшающие пушистые ели, на покрытые светло-синим снежным ковром уютные тропинки и терпеливо жду, когда наконец Арвид Янович начнет новый рассказ.

— Приключилась эта скандальная история, — начинает спокойно новое повествование Арвид Янович, — в 1942 году... В Берлине... — он сделал небольшую паузу. — Владелец крупнейшего кинотеатра «Палас» Карл Фрелих публично вклеил пощечину министру пропаганды гитлеровского рейха Геббельсу. Драка произошла во время показа сострян-

ного фашистами на киноленте «УФА» клеветнического фильма под претенциозным названием «ГПУ». Когда разыгрался этот скандал, в ложе, помимо Геббельса, находились Гитлер, его сожительница — киноактриса Ева Браун, итальянский диктатор Бенито Муссолини со своей толстой женой. И на глазах у всех этих бонз хозяин «Паласа» отважился дать Геббельсу по физиономии. Он это сделал потому, что тот накануне в своем служебном кабинете пытался изнасиловать его

кый, в сплошных колдобинах проселок, вырвалась на широкую автостраду.

Прибавив скорость, Арвид Янович спросил:

— Какое сегодня число?

— Второе февраля.

— Второе февраля, — раздумчиво повторил он и добавил, — да, 2 февраля 1943 года я находился на юге гитлеровской Германии. — Он сказал это таким безразличным тоном, словно

выполнение заданий командования в глубоком тылу противника меня наградили орденом Ленина.

Я шел по улицам враждебного города, охваченный такой радостью, что даже на мгновение забыл, где нахожусь. В самом деле — второй орден за время войны. Да еще орден Ленина.

Но, представляете, то ли от волнения, то ли от радости я почувствовал вдруг невероятный голод. И это меня натолкнуло на мысль пойти поужинать, вы-

пятье нацистской партии надели траурные повязки. Всем жителям «третьей империи» было предписано сохранять постные мины. Улыбка была бы оценена как государственное преступление. А я-то ходил по городу и улыбался, покупал цветы, пришел ужинать в ресторан! Словом, вел себя не так, как все остальные. Для человека моей профессии это недопустимый просчет.

Я быстро проглотил свиной шницель с луковым соусом, выпил вина и буквально бежал из ресторана. Я шел по улице, с трудом делая вид, что переживаю боль и горечь поражения. Хотя в этот момент счастливее меня не было. Я был счастлив и в первый раз в жизни дал волю чувствам, находясь во вражеском лагере.

Человек не может преодолеть естественного желания радоваться вместе со всей страной, радоваться вместе со своими товарищами, просто радоваться. Я понимал, что это сильнее меня, что я не смогу изображать плакальщика, когда все во мне радостно взбудоражено. И я не выхаживал три дня из своего холодного номера, прикинувшись больным, пока не кончился траур.

Вернувшись на «Большую землю», я покался в своем проступке моему начальнику. Я честно признался, что три дня не работал, три дня переживал радость, которую не мог скрыть.

И начальник сказал, что поступил бы на моем месте так же, как я. Человек — не машина. Он — человек!..

Зеленая «Волга» Арвида Яновича, прижавшись к обочине тротуара, остановилась у моего дома...

С того времени я больше Арвида Яновича не видел.

И все же я с ним встретился вновь. Вернее, не с ним лично, а с теми событиями, о которых он мне рассказывал. Работая над пьесой о выдающемся нашем разведчике Рихарде Зорге («Пресс-атташе в Токио»), мне пришлось познакомиться со многими материалами о Великой Отечественной войне. И, в частности, о событиях, связанных с исторической битвой на Волге. Читая эти материалы, я убедился еще раз (хотя не очень в этом сомневался и раньше) в том, что Арвид Янович рассказал мне сущую правду.

АРВИД ЯНОВИЧ

Из блокнота кинодраматурга

жену — красотку фрау Фрелих. Правда, красоткой ее считали главным образом мужчины. Женщины были о ней другого мнения. Вы же знаете, Те милые повадки, те бесчисленные ужимки, которые так нравятся мужчинам, в свою очередь раздражают у женщин неприязнь и отвращение. Но дело не в этом. Конечно, Карл Фрелих, отважившийся на публичную пощечину, рисковал головой. Но в этот инцидент почему-то вмешался дуче. «Мой фюрер, — напыщенно воскликнул знатный римлянин, — во всем виновен доктор Геббельс...» — Гитлер удивленно взглянул на своего итальянского союзника. «Да, да! — продолжал настаивать Муссолини. — Раз он позволил себя ударить, значит, он неправ». И эта идиотская фраза неожиданно развеселила Гитлера. Он отдал приказ — не трогать незадачливого ревнивца, а пострадавшей его супруге выдать медаль за активное участие в «зимней помощи».

Арвид Янович посмотрел на часы.

— Пора пить чай. Размеренной походкой он направился в столовую. А в ожидании, когда принесут чай, я размышлял над услышанным рассказом. Откуда, думаю я, этому странному латышу известны такие необычные истории, которые он рассказывает так, словно сам был их очевидцем? Но спросить об этом не решился. Вдруг Арвид Янович обидится, и я лишь собеседника, без которого выдержать санаторный режим будет неважно.

Зато ночью, когда санаторий погружался в сон, в моей маленькой, похожей на келью комнате я аккуратно записывал в тетрадь все рассказы Арвида Яновича и заодно старался угадать его профессию. Скажу честно — большинство моих предположений так и не подтвердилось.

Из санатория мы уезжали вместе. Арвид Янович предложил мне воспользоваться до Москвы его «Волгой».

Ведомая опытной рукой, зеленая автомашина, преодолев уз-

речь шла о Черноморском побережье Кавказа или Рижском взморье. — В эти дни там, где я жил, все говорили о сражении на Волге. Фашистские газеты пестрели многочисленными заявлениями Гитлера: «Я не оставлю Волгу», «Я не уйду с Волги». Мощные репродукторы во всю мощь круглосуточно истерически вопили, что фюрер послал в шестую армию Паулюса кучу орденов и медалей. Именно в эти дни генерал Паулюс был досрочно произведен в фельдмаршалы, не ведая, однако, что фюрер уже давно зачислил его солдат и офицеров в разряд мертвецов. Да, солдаты Паулюса пухли от голода и холода, доедали трупы последних лошадей, а главнокомандующий военно-воздушными силами Геринг в эти самые дни отпраздновал свой день рождения с обычной экстравагантностью и расточительностью. Конец 1942 года застал меня в одном немецком городе. Там же мне пришлось встретить и новый, 1943 год. Я жил в гостинице «Черный лебедь» в огромном уютном двухкомнатном номере. Внизу в ресторане шло бурное веселье, но мне, конечно, было грустно. Дома товарищи веселятся, наверное, вспоминают меня, пьют за мое здоровье, а я сижу в холодном номере отеля — немцы сэкономили уголь, притворяясь занятым человеком, который даже ради праздника не может оторваться от «коммерческих» дел. В те дни я по заданию командования проверял появляющуюся в американских газетах информацию о том, что Гитлер снимает дивизии с Восточного фронта и срочно перебрасывает их на Западный. Не скрою, мне удалось установить, что американские газеты, мягко говоря, введены в заблуждение. Фашистское командование вовсе не собиралось перебрасывать свои дивизии и корпуса на запад. Наоборот, оно лихорадочно снимало все, что могло, с «Атлантического вала» и спешно отправляло на восток, где в это время шло решившее судьбы второй мировой войны сражение на Волге...

В конце января я получил радостное сообщение: за успешное

пить вина, выпить мысленно за здоровье друзей, товарищей, за нашу армию, за Родину.

Вхожу в ресторан. Вижу, меня встречают удивленные взгляды. Однорукий швейцар, снимающий пальто, как-то подозрительно смотрит на меня. Но не возвращаться же назад? Вхожу в зал — пусто. Один в большом, обычно хорошо посещаемом ресторане. Странно! Раковина оркестра пуста. Официантки понуро стоят у столиков.

Произошло, очевидно, нечто такое, что заставило даже гитлеровских офицеров, систематически пропивавших свои военные трофеи в этом фешенебельном кабаке, не прийти сюда сегодня. Но что? Спросить не могу. Такой вопрос может вызвать подозрение. Видя постные лица окружающих, я тоже делаю постную мину. Какой тут праздничный ужин — поскорей бы унести ноги.

И только, когда я подзвал официанта и сделал заказ, он объяснил мне, в чем дело. Оказывалось, сегодня, 2 февраля 1943 года капитулировала на Волге армия Паулюса. Гитлер был взбешен, что его новый фельдмаршал предпочел плен смерти. Главари нацистского рейха объявили по всей стране трехдневный траур. В приказе Гитлера педантично перечислялись все виды запретов, по этому случаю были закрыты театры и кино, увеселительные заведения, запрещена музыка в ресторанах, функцио-

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
Масштаб
2 ФЕВ 1965